

что большое значение приближает нас к Богу и является силой. Образование – продолжительный творческий процесс, имеющий целью высвободить скрытые в индивиде способности и гармонизировать в нем веру и разум. До недавнего времени наши философы-сциентисты культивировали идеал «рациональной науки», желали видеть в философии лишь строгую науку и уничижали человекотворческие и культуросозидающие свойства религии. Настало время понять, что религия (в теистической или атеистической форме) пронизывает все отрасли культуры, в том числе философию и науку. Эмансипация философии и культуры от религии есть утопия; реальной же проблемой является выбор отечественной философией религиозной национальной идеи, в которую мы способны поверить.

И. Т. Вепрева

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА В ЗЕРКАЛЕ РЕЧЕВОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Доминирование идеи об антропоцентрическом устройстве языка в лингвистике начала XXI века, осуществившей поворот от изучения речи человека к изучению человека говорящего, привело к теоретическому осмыслению многих языковых категорий с позиций прагматики. Языковая норма находится в ряду таких категорий, где прагматическая составляющая является одной из самых существенных. Изучение языковой нормы с антропоцентрических позиций помогает осознать суть многих проблемных ситуаций, связанных с явлением нормы.

Цель статьи – определить аспекты субъективного характера языковой нормы, которые позволяют наряду с другими критериями нормы выделить критерий прагматический. Отталкиваясь от общепринятого определения нормы как набора или совокупности «наиболее пригодных, предпочитаемых для обслуживания общества средств языка» [Барнет 1976: 47], сохраняющих за собой приоритет культурно-речевого характера, попытаемся показать, как языковая норма остается ориентиром в речевой жизни современного общества.

Прагматический критерий связан прежде всего с линией «адресант–адресат» в структуре коммуникативного акта. Ситуация живого общения предполагает активное участие в процессе

коммуникации обоих коммуникантов. При этом понятие нормы находится прежде всего в ведении слушающего, именно он оценивает речь говорящего с точки зрения нормативности, прощая или не прощая ему допущенные ошибки. Образцовую речь мы не замечаем, «она для нас как раз психологически не существует» [Мурзин 1989: 6], соответствие норме входит в фоновые знания носителя литературного языка. И в то же время сам говорящий является «первым приемным пунктом» (Т. Г. Винокур) собственных коммуникативных усилий. Безусловно, оценка речи носит субъективный характер, в ее основе лежит «баланс норм отправителя и получателя сообщения» [Шварцкопф 1996: 418]. Субъективность нормативной оценки разными типами слушающих и говорящих определяет «плавающий» характер языковой нормы в процессе функционирования языка: что нормативно с точки зрения одного носителя языка, неуместно с точки зрения другого, хотя они оба могут являться носителями элитарной или средне-литературной речевых культур. Именно в связи с функциональным пониманием культуры речи Б. Н. Головин выдвинул принцип коммуникативной целесообразности, считая его вместе с категорией нормы двумя регуляторами человеческой речи.

Материал, который собран нами в ходе записей телебесед и выборки из газетных интервью, то есть по следам живого общения, позволяет утверждать, что языковая личность в любую эпоху развития родного языка, а в переломную особенно, не теряет своей «языковой бдительности» (Шварцкопф), в каждом говорящем присутствует тот блок контроля, который стоит на страже нашей речемыслительной деятельности и регулирует общение. Человек говорящий координирует свои речевые действия с опытом других людей, при этом культурно-речевые –навыки как престижные навыки автоматического владения нормами словоупотребления остаются орудием социального объединения образованных людей. Это позволяет отказаться от идеи солидаризации с теми, кто крайне негативно оценивает культурно-речевое состояние современной России, и аргументировать противоположную точку зрения. Приведем для начала достаточно развернутую цитату с ярко выраженной пуристической позицией: «В настоящее время все большее число специалистов в области языкознания, культурологии, этнопсихологии бьют тревогу по поводу распада русского языка: в утрате языкового эталона как основы этнокультуры проявляется болезнь русской души. Наглядным вопло-

щением духовной заразы, поразившей телесный лик русского языка, служит массовое распространение в разговорном обиходе нецензурных выражений, насыщение речи жаргоном криминальных слоев общества. Сатанинское зло этих вирусов человеческой свободы во всей полноте обнажилось в трагическом изломе русской истории 1917 года. Деграция языка – симптом крайнего духовного оскуднения народа, его нравственного разложения. Для спасения последнего оплота «русской души» сегодня требуются экстраординарные меры – духовная реанимация умирающего этнического организма, беспощадная борьба с «безумием» русской речи» [Гореликов, Лисицына, 1999: 22–23].

Материал, который будет приведен для аргументации, представляет собой результат языковой рефлексии носителя языка, это корпус метаязыковых высказываний, в рамках которых говорящий дает эксплицитную оценку своей и чужой речи. Спектр оценок достаточно разнообразен. Например, порождение речи требует от говорящего точного подбора слов. *Метаязыковые высказывания эксплицируют эти поиски: У сожителей отрицательные моменты возникают при общении и с другими людьми. Как представить этого близкого тебе человека в незнакомой компании? Сказать «муж» – неправда, сказать «сожитель» – неудобно, совестно. «Подруга», «друг» тоже не соответствуют действительности (АИФ, февр., 1999); Я не люблю слово «попса». Слово «эстрада» тоже как-то не подходит: слишком старомодно. Давайте называть это популярной музыкой, которую сегодня ругают все, кому не лень (АИФ, окт., 1999); Вообще-то мы со Славкой объявили о помолвке, а все сразу решили и детей крестить. Люди же сначала молвятся – или как там правильно? – а потом уже решают, стоит или не стоит жениться? (+все ТВ, янв., 2000); Каким бы мэтром артист ни был, он должен выйти на сцену Гамлетом, Отеллом... Хм, Отеллом можно сказать? (АИФ, июль, 2000); Великолепные генералы. Опять сказала «великолепные». Но в русском языке это слово ничем не заменишь (НТВ, «Женские истории», авг., 2000); Им интересно – человек с непоющим голосом от чистого сердца (можешь это назвать как хочешь) поет, играет (АИФ, сент., 2000).*

Нормативное оценивание словоупотребления зачастую связано с эстетической позицией говорящего, с понятием эстетического идеала, поскольку отклонение от нормы часто оценивает-

ся как некрасивое, а соответствие норме – как эстетически приемлемое, соответствующее представлению о хорошей речи: Аксессуары – очень важная часть имиджа (**ох, не люблю я этого слова, но куда деваться**). ...Для поднятия своего имиджа (**все, последний раз, честное слово**) лучше ездить не на такой машине, как у Вас (Я покупаю, сент., 2001); и наоборот: – Для семьи очень нужен достаток. – **Достаток – вот это слово. Хорошее слово** (ОРТ, «Пока все дома», 5.12.00).

Часто эксплицитные поиски точного слова нужны говорящему для явного сопоставления ряда контекстных синонимов, чтобы акцентировать внимание слушающего на необходимые смысловые оттенки выбранного слова: *От половых актов в эпическом полотне Германа (слово «секс» здесь не подходит) разит кислым потом* (АИФ, май, 2000); *Нация... как бы пообиднее сказать... наш этнос деградирует* (АИФ, июнь, 2000); *А меня муж не просто оставил, а бросил, именно бросил* (АИФ, «Я сама», 16.01.99). Говорящий часто считает нужным дать толкование употребляемого слова: – *Я слышала, что у вас нет врагов. Это настораживает. – Все зависит от того, что понимать под словом «враг». Есть люди, которые мне глубоко несимпатичны, в том числе и люди из политики. Но я с ними не контактирую* (АИФ, дек., 1999); *Необходимо сломать полуфеодальный порядок, который олигархи пытаются законсервировать (слово «олигархи» здесь носит условный характер: к ним следует отнести всех, кто хочет сохранить в неприкосновенности ту модель, которая сформировалась в России к 1997 году)* (МК-Урал, февр., 2000). Контроль за своей речью позволяет говорящему реализовать свой творческий потенциал, выступить в роли языковой личности, для которой не чужда языковая игра: *Это чистая политика – попытка уволить Куликова. Точнее, это грязная политика* (НТВ, «Глас народа», 3.12.99).

Носитель языка, выступая в роли слушающего, также достаточно критично оценивает речь собеседника, обращая внимание на неточность в употреблении слов: – *Как ни крути, семья Гомельских прочно заняла баскетбольную нишу. Что это – клан, династия, семейственность, мафия? – У нас теперь все стало модно называть мафией. Я не отказываюсь, что это клан, династия, если хотите, и в этом нет ничего плохого. У меня четыре сына. – Баскетбол стал для вас золотой жилой? – Слова какие вы подбираете – то мафия, то жила... Этой*

золотой жиле я отдаю свое здоровье, нервы, силы (АИФ, сент., 2000); – Вы очень напыщенный человек. – Не-а. Я не напыщенный, я умный. – А Бернард Шоу сказал, что умными себя считают дураки... – Он прав. Хорошо, я не умный. Я очень умный. **«Напыщенный»! Это ж надо такое ляпнуть!** В чем напыщенность?! (АИФ, май, 2000); – Вы дилетант. – Я – дилетант? **Как часто В произносите слова, значение которых Вы не знаете?** (ОРТ, «Процесс», 18.05.00); – Пришла группа под управлением М. Розовского. – Под руководством. Под управлением бывает пожарная команда (НТВ, «В нашу гавань приходили корабли», 18.12.99); – Вам не кажется, что в России существует заговор против науки – финансирование на «удушение»? – **Слово «заговор» я убрал бы из вопроса. А так все правильно. Недопустимая ситуация** (МК-Урал, ноябрь, 1999).

Общее содержание метаязыковых высказываний, или рефлексивов [Вепрева 2002], – выражение мнения говорящего–слушающего о пригодности, точности, верности языкового средства в данном высказывании. Помимо разнообразных вариантов выражения речевой критики: правильно–неправильно, точно–неточно, верно–неверно, существуют речевые стереотипы критики речи: *строго говоря, точнее говоря, грубо говоря, мягко говоря, одним словом, короче, не знаю, как выразиться, не нахожу слов, другого слова не подберешь, лучше сказать, если можно так выразиться* и т. д. Самыми частотными и действенными операторами оценки являются глаголы **люблю/не люблю, нравится/не нравится**, «подсказывающие выбор лексических средств, грамматической модели, композиционный рисунок фразы, синтаксический строй» [Ляпон 1989: 27]. Эти операторы относятся к предикатам сенсорно-вкусовой оценки, являющейся наиболее индивидуализированной. Сенсорная оценка всегда истинна, так как она искренна. Она «имеет статус неопровержимой субъективной истины» [Арутюнова 1988: 190], поэтому не требует никаких мотивировок. Оценка «люблю – не люблю», обладая параметром субъективной истины, совмещает в себе эмотивное и рациональное начало, что способствует обостренному видению слова, активизации языковых способностей. Оператор «нравится–не нравится», выполняя в тексте эстетическую функцию, связан не с информацией, а с ощущением. Приведем ряд высказываний с указанными операторами: *Дело не в провинциальном менталитете, слово это дурацкое, мне не нравится* (Из разговора в

транспорте, дек., 1997); *Я не очень люблю это слово «зомбирование», но если уж оно разошлось, то я не верю в зомбирование* (ОРТ, «Час пик», 27.08.98). Сенсорные оценочные операторы информативно недостаточны, поэтому они всегда нуждаются в экспликации. Обычно в рефлексиве после общей сенсорной оценки идет содержательный комментарий, объясняющий оценку слова: *Я не люблю слово «меценатство». Оно сильно напыщенно* (ОРТ, «Доброе утро», 27.10.98); *Мне не нравится слово «парапсихология», оно неправильно для обозначения того, чем я занимаюсь* (МК-Урал, февр., 1999).

Экологический подход исследователя к проблемам русского языка, представленный в начале статьи в виде развернутой цитаты, появляется в жестких ситуациях, связанных с серьезными языковыми изменениями, приводящими, по мнению ряда ученых, к порче языка. Безусловно, сегодняшняя культурно-речевая ситуация свидетельствует об изменении статуса литературного языка, о престижности разговорных форм в литературной речи, об ее «устнизации». Но можно ли говорить о порче самого языка? По-моему, права Е. А. Земская, которая полагает, что «порча, на которую так остро реагируют пессимисты, затрагивает не систему языка, а языковую способность. Умение говорить и писать. Люди не стали говорить хуже, просто мы услышали, как говорят прежде только читавшие и молчавшие. И обнаружилась давным-давно упавшая культура речи. Французский лингвист – во Франции языковые нормы тоже размываются – провел параллель: представьте себе, что в стране в шахматы играл один процент населения, а стало – сорок. Разве это кризис игры, если теперь средний игрок играет хуже!» [Земская 1997]. При общем возрастании количества коммуникантов в их числе немало тех, кто использует только один набор нелитературных средств. По речевой способности в современной ситуации коммуниканты распадаются на две категории по параметру преэминентности и размыванию культурно-речевых традиций литературного языка. Первая группа тяготеет к устоям языкового пуризма, вторая часто пользуется только одним набором языковых средств, которые не соответствуют языковой норме. Все это ведет к функциональной и территориальной экспансии нелитературных средств. Эти «нижние слои» отличаются и наиболее динамичностью. В связи с этим происходит снижение уровня литературной речи. В самом составе литературного языка возрастает вариативность, снижается авторитарность ко-

дификации. Нормой становится не жесткий императив, а выбор из ряда вариантов. Незнание кодификации не приводит к утрате престижа, расширяется список ситуаций, допускающих неофициальную коммуникацию.

Как реагируют носители литературного языка на смену стилистических стереотипов, на изменения прежде всего в стилистических нормах? Естественно, что в речи образованных людей отражаются живые стилистические процессы современного языка. Этому способствует, во-первых, «глубокая ментальная потребность людей говорить на двух языках» [Степанов 1997: 727], строго нормативном, литературном и разговорном, во-вторых, для образованного человека свобода языкового творчества обнаруживается «в стремлении не быть вполне нормативным и не быть неправильным» [Степанов 1997: 718]. Но здесь на первое место выступает такой субъективный фактор языковой нормы, как языковая целесообразность, проявляющаяся в осторожном вводе «сильной» лексики, в постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона, в стремлении не выйти за пределы «зоны безопасности» (Н. В. Черемисина). Метаязыковые высказывания эксплицируют реакцию образованного человека на смену стилистических стереотипов.

Во-первых, предпочитая сниженное слово нейтральному, носитель нормативного литературного языка испытывает языковой дискомфорт, ему приходится виниться. Об этом сигнализируют речевые формулы извинения. Например: *Ответ вы найдете в любой брошюрге по психологии для лохов (пардон, для неспециалистов)* (МК-Урал, сент., 2000); *Незаконный заводик располагался в одном из помещений очистных сооружений, где производится переработка фекальных отходов, или проще говоря, извините за выражение, дерьма* (МК-Урал, июль, 2000); *Нам приходится везде отстегивать, извините за это сленговое выражение* (В. Комиссаров, «Моя семья», 9.09.00).

Во-вторых, говорящий, сопротивляясь бурной стихии просторечной и жаргонной лексики, чаще всего прячется за чужую речь. Носитель литературного языка свою свободу в стилистическом аспекте реализует, делая ссылку на чужое слово, предупреждая критику по своему адресу, указывает, что это выражение не свойственно его лексикону и он отдает себе полный отчет в характере данного выражения: *Хочется выразиться в стиле эпохи: кончай базар* (Комсомольская правда, май, 2000); *Как по*

жаргону говорят, зажал день рождения (О. Табаков, «Доброе утро», 12.09.00); **Греции надо постараться, чтобы (скажу грубоватое просторечное словцо) переплюнуть Сидней** (ОРТ, Репортаж о закрытии Олимпийских игр, 1.10.00).

В-третьих, аргументацией употребления сниженного слова может быть ссылка на частотность употребления единицы в современном языке («все так говорят»). Слово, превысившее «порог частотности» (Комлев), становится популярным, модным. Феномен моды в языке заслуживает особого разговора, поскольку мода занимает важное место в современном обществе и понимается как один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения. Атрибутивными признаками моды являются современность и универсальность. Высокочастотные лексические единицы с элементом новизны и экспрессивности обладают признаками, входящими в ядро модных ценностей. Новое всегда имеет преимущество перед старым, вчерашним. Современность в нашем сознании вызывает положительные эмоции и ассоциируется с прогрессивностью, готовностью к изменениям, к творчеству. Эстетика обновления формирует определенный «модный знаковый спрос», которому противостоит «модное знаковое предложение» со стороны образцов, еще не ставших модными. Принимая частотную сниженную единицу, слушающий включает ее в свой индивидуальный лексикон, а когда выступает в роли говорящего, пытается соотнести свой языковой опыт с опытом других людей, сам способствует ее дальнейшему распространению. Таким образом обычное говорение устраняет личностные особенности нашей речи в пользу массового, принятого всеми, модного: *Очень шли ему такие наряду благодаря красивому телосложению и «накачанным», как модно сейчас говорить, мускулам* (МК-Урал, май, 2000); *Как принято говорить, они парили мозги охране* («Детектив-шоу», 4.03.00); *Представитель президента в регионе, как сейчас говорят, не круче и не слабее, чем губернатор* (ОРТ, Репортаж с выставки Уралэкспоарм, 14.07.00).

Анализ рефлексивов показывает, что для современной речи характерна усиленная модализация сообщения, речь изобилует большим количеством метаязыковых оценок в связи с нормативно-стилистическим выбором единиц, поскольку нормативно-стилистические качества речи – это то, на что люди обращают внимание в первую очередь, то, что вызывает оценочную реак-

цию. Покушение на стилистический узус носители языка воспринимают как событие, меняющее весь язык. Рефлексивы позволяют выявить сдвиги в стилистических нормах русского языка на рубеже веков. Они являются своеобразными маркерами естественно складывающегося, меняющегося стилистического узуса.

Оценки своей и чужой речи в процессе функционирования – это своеобразный консенсус производителя и получателя речи, позволяющий им взаимодействовать, и в этом видится своеобразная стихийная конвенциональность нормы на уровне речи. Но иногда речевой конфликт, который возникает между «наивным ортологами», не может разрешиться стихийным образом. В этом случае говорящие выходят на уровень кодификации, обращаясь к разным типам нормативных словарей.

Прагматический критерий получает своеобразное преломление в соотношении стихийного и сознательного в области языковой нормы и заставляет обратить внимание на деятельность кодификатора-лингвиста, определяющего языковые предпочтения. Степень ответственности лингвиста в этой области профессиональной деятельности чрезвычайно велика и – складывается из целого ряда факторов, которые исчерпывающе сформулировала Н. Ю. Шведова в статье, посвященной деятельности С. И. Ожегова как лексикографа. Эта ответственность имеет многосторонний характер и складывается, во-первых, из ответственности лингвиста перед наукой о языке, во-вторых, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю, в-третьих, перед традицией, «которую он продолжает и развивает» [Шведова 2001: 13], в-четвертых, перед самим собой как специалистом.

В рамках заявленной темы хотелось бы обратиться к характеристике отношений между профессиональным и наивным ортологами, к взаимодействию теоретического и обыденного метаязыкового сознания. Между этими типами сознания существует определенная антиномия – оппозиция пуристического отношения к языку и либералистское отношение к норме. Причем существенное различие можно провести между отношением рядового носителя языка к письменной и устной форме литературного языка. Непростые отношения складываются между носителем языка и ортологом по поводу кодификации орфографических норм. Национальным свойством метаязыкового сознания русского языкового сообщества является орфографоцентризм, под которым понимается отождествление языка и орфографии [Голев 1997: 72].

Представление о русском языке через орфографию обострилось в советское время, когда письменное слово стало наиболее авторитетным, «благоговейно-почтительным» (М. В. панов). Отсюда и многие несправедливые нападки журналистов на Орфографическую комиссию Российской академии наук, предпринявшую попытку упорядочить свод правил русской орфографии. В ситуации обсуждения так называемой «реформы орфографии» рядовой носитель языка выступил как ортодоксальный пурист, отстаивающий незыблемость языковых норм.

Другие отношения складываются между учеными и носителями языка в отношении норм устной речи. Здесь больший консерватизм по отношению к норме проявляется со стороны лингвиста-кодификатора. Для наивного языкового сознания источником устной нормы является продуктивность того или иного употребления, главным принципом установления нормы является аргумент «все так говорят». Для кодификатора в современных условиях «устнизации» речи становится необходимым условием для определения нормативного образца учет социально значимых, общественно отработанных отклонений от литературной кодифицированной нормы, которые, будучи продуктивными, могут переходить в разряд допустимых вариантов кодифицированной нормы. В современных условиях безусловным требованием должно стать периодическое переиздание дополненных и исправленных орфоэпических словарей. То, что эти словари обречены на старение, особенно ощущается в моменты резких социальных изменений, которые влекут за собой перестройку нормативно-стилистической системы языка. Приведу ряд явно устаревших норм ударения и произношения из наиболее авторитетного «Орфоэпического словаря русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова, последнее исправленное и дополненное издание которого вышло в 1989 году. Эти нормы вызывают особое неприятие у студентов-нефилологов, которым сейчас преподается учебная дисциплина «Русский язык и культура речи»: например, устаревшее ударение в словах *ракурс*, *генезис*, *знамение*, *гренки*, *рожки (макаронные)* и др.; произношение слов *кори[шн]евый*, *гре[шн]невая*, *кр[э]м* и т. д.

К прагматическому параметру, влияющему на характер нормы, можно отнести и признак авторитета источника. Велика роль литературной традиции в области нормы, привычна мысль о решающем влиянии на развитие норм языка классической рус-

ской и советской литературы, но на нынешнем этапе современная русская литература не дает тех безупречных образцов хорошей речи, которые однозначно воспринимались бы обществом как безукоризненные. Поэтому нормативной опорой для рядового носителя языка становятся образцы современной публицистики, зачастую также не всегда достойные подражания. В качестве иллюстрации приведем ставшее уже хрестоматийным печально знаменитое путинское выражение «замочить в сортире». Реакция общественности на это употребление была однозначно отрицательной, иронической, показывающей, что в обществе по-прежнему высоко ценится нормативная речь. Но в то же время ориентация на речь политических лидеров безусловна, поскольку эффект эмоционального заражения, механизм подражания основан на авторитете, доверии к источнику информации. Подтверждением действия этого механизма может быть и приведенный выше языковой факт. Прошло четыре года после пресс-конференции, на которой В. В. Путин использовал это некорректное словосочетание. Источник употребления помнится до сих пор, свидетельством тому анекдот, который встретился на страницах периодической печати в январе 2004 года: *Сижу я как-то в путинской комнате... – Где-где? – Ну, в сортире...* В то же время последние современные контексты подтверждают широкую употребительность глагола «мочить» («замочить») в значении «убить». Ироническое отношение к жаргонной единице практически исчезло, а слово стало употребляться как разговорно-литературное.

Таким образом, языковая норма во многом проявляет себя как антропологически ориентированная категория, опирающаяся на языковое чутье и языковой вкус лингвиста-кодификатора, на речевую культуру общества в целом, на тесное взаимодействие теоретического и обыденного метаязыкового сознания. Все это позволяет выделить прагматический критерий языковой нормы в ряду других критериев. Кроме того, для современной речевой ситуации актуальным является нормативный взгляд на разного рода отклонения от языковой неправильности, наше общество нуждается в более высоком уровне культуры, с другой стороны, рефлексивная деятельность общества, проявляющаяся как аксиологическая реакция говорящего на вхождение в литературный язык сниженной лексики, свидетельствует о формировании новой сти-

листической нормы, о динамике нормы в рамках синхронной системы языка.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Факт. Событие. М., 1988.

Барнет В. Языковая норма в социальной коммуникации // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997.

Гореликов Л. А., Лисицына Т. А. Русский путь. Опыт этнолингвистической философии. Ч. 1. Великий Новгород, 1999.

Земская Е. А. У людей развязались языки // Известия, 27.10.1997.

Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989.

Мурзин Л. Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. М., 1989.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.

Шварцкопф Б. С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Шведова Н. Ю. Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи. К 10-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001.